

Рецензия на книгу: Системные проблемы православия: анализ, осмысление, поиск решений. Материалы первого семинара

Москва : Проект «Соборность», 2020. 104 с.

Гасак Дмитрий Сергеевич, первый проректор СФИ (Москва) / Gasak Dmitry Sergeevich, First Vice-Rector, St. Philaret's Institute (Moscow) • vice_rector@sfi.ru
Дашевская Зоя Михайловна, старший преподаватель СФИ (Москва) / Dashevskaya Zoya Mikhailovna, Senior Lecturer, St. Philaret's Institute (Moscow) • dean@sfi.ru

Рецензия на книгу: Системные проблемы православия: анализ, осмысление, поиск решений : Материалы первого семинара / Ред.-сост. С. В. Чапнин. Москва : Проект «Соборность», 2020. 104 с. // Вестник Свято-Филаретовского института. 2021. Вып. 37. С. 190–199. DOI: 10.25803/SFI.2021.37.1.012

Трудно спорить с тем, что главным вызовом христианским церквям в минувшем году стала пандемия COVID-19. На разных уровнях в православном мире предпринимались попытки осмыслить вызванный ею кризис, выявить положительные и негативные его последствия. Можно вспомнить, например, конференцию «Религиозные общины и Церковь во время пандемии», организованную 6–10 апреля 2020 г. Центром экуменических, миссиологических и экологических исследований им. митр. Пантелеимона Папагеоргиу (CEMES)¹, в которой приняли участие главный редактор журнала «Вестник СФИ» свящ. Георгий Кочетков и заместитель декана богословского факультета З. М. Дашевская².

Откликнулись на глобальный вызов и в Русской православной церкви, причем далеко не только на официальном уровне. «Миряне, монахи и клирики; богословы, историки и журналисты; гражданские активисты и предприниматели» (с. 10) собрались

1. The Church in a Period of Pandemic : Can the Present Pandemic Crisis Become a Meaningful Storm for Renewal in our churches // Ed. P. Vassiliadis. CEMES Publications, 2020. 288 p.

2. В сборник вошли более 30 выступлений, в том числе доклад свящ. Георгия Кочеткова «В церкви Христовой объявлено чрезвычайное положение, или Пир во время чумы» и доклад зам. декана

богословского факультета СФИ Зои Дашевской, посвященный опыту жизни общин и братств в период пандемии COVID-19. Также в разделе «Богословский взгляд» опубликованы статьи профессора архим. Джона Пантелеймона Мануссакиса, профессора архим. Кирилла (Говоруна), д-ра богословия протопр. Павлоса Кумарианоса.

на семинар «Системные проблемы православия: анализ, осмысление, поиск решений», материалы которого они посчитали нужным издать.

Данный сборник не отнесешь к жанру коллективной научной монографии, поскольку авторы не ставят перед собой богословских задач, не оглядываются на историко-богословские контексты и не позиционируют богословских проблем, что, к сожалению, выводит эти публикации за рамки научного поля. Однако цели, поставленные авторами в начале сборника, кажутся столь актуальными и глобальными, что разрешение их невозможно без серьезных теологических обоснований. В материалах семинара просматриваются два очевидных раздела — экклезиологический и литургический, которые и стали в первую очередь предметом нашего рассмотрения. Надеемся, что рецензия на сборник по материалам первого семинара позволит его участникам развить свои мысли, расширить круг рассматриваемых проблем, включить в поле своего внимания более разнообразные взгляды и подходы.

Авторы исходят из неизбежности «формулировать новое видение Церкви» (с. 10), вызванной проявлением многих проблем церковной жизни во время пандемии COVID-19, когда привычный порядок церковной жизни неожиданно и весьма быстро изменился (в скобках нельзя не заметить, что изменился он далеко не везде и при первом ослаблении внешней опасности устремился к привычному укладу). Авторы полагают, что пандемия проявила системный кризис Русской православной церкви, который побуждает пересматривать взгляды на традицию церкви в ее соотношении с современными церковными задачами, на место общины внутри РПЦ, на значение храмового богослужения для современного человека.

Наверное, можно дополнить перечень проблем или поспорить о приоритетности задач, но с главной посылкой трудно не согласиться. Разумеется, возникает вопрос о том, чье видение отражает этот сборник и к кому он обращен. Авторы указывают, что ответственные исторические задачи стоят перед всей церковью, а стало быть, «перед всеми нами» (с. 10).

Исходя из глобальной задачи, сформулированной в четырех пунктах: «1) предложить пути преодоления нынешней проблемной ситуации; 2) обеспечить полноценность церковной жизни в условиях социально-экономического кризиса; 3) защитить приходские и монашеские общины; 4) поддержать общественную ак-

тивность православных христиан» (с. 10), — авторы видят свои задачи следующим образом:

- описание и систематизация программ, дискуссий и предложений, сформулированных за последние 10–15 лет;
- формирование положительной программы церковной жизни;
- популяризация и обсуждение этой программы в Русской православной церкви (с. 11).

Иначе говоря, авторы ставят перед собой весьма серьезную цель — составление целостной программы развития современной церковной жизни.

Однако главная проблема видится в том, что критикуя шаги церковного руководства в выстраивании вертикали власти и т. п., авторы сборника предполагают столь же внешний, «проектный», подход к церковной жизни. Имея глобальный взгляд извне, авторы сами пытаются встать в позицию церковного руководителя, наблюдателя, покровителя, т. е. подходят к церковной жизни как бы со стороны начальства, имеющего функцию администрирования, но не обладающего опытом собирания людей в приходы, общины и братства. Так, например, вопрос об общинном начале в православной церкви оказывается связан с проблемой поиска общин вне Московского патриархата (с. 89–93), а значит, с поиском канонических возможностей для перехода приходов в другие юрисдикции. «Если эта опция станет возможной, ей воспользуется значительное число приходов и, возможно, монастырей» (с. 92), но станет ли от этого более реальным церковное общение христиан друг с другом, появится ли на этих приходах живая связь людей, собранных «во Христе»?

Участники семинара и авторы сборника формулируют принципы сообщества, от имени которого предлагается программа церковной жизни: «уважаем клир, не ищем врагов, желаем трезвенно видеть реальность, считаем себя вправе задавать любые вопросы, стараемся во всем обретать творческий подход» (с. 12). Однако описывают ли эти принципы церковную позицию авторов? Достаточно ли этого для формирования группы, решающей столь глобальную задачу? Люди, которые хотят оздоровить церковь, не связывают себя «ни с какими корпоративными интересами» и не ограничивают себя «корпоративной моралью» (с. 12). Но разве ответственность за церковь не предполагает живую связь с ней, а стало быть, и восприятие церковных, читай — христианских, нравственных и моральных норм? Можно ли считать ответственной точку зрения человека,

не связывающего себя никакими обязательствами? Нам представляется, что это фундаментальное основание любой программы, предлагаемой церкви; именно ответственностью измеряется и смелость, и реалистичность, и трезвенность, и, разумеется, дерзновение ее авторов. Авторы не только предлагают интеллектуальный продукт, но и рассчитывают на воплощение своей программы в жизни — стало быть, нам, как читателям, важно знать за кого и за что в церкви они отвечают.

Сделаем еще одно существенное замечание, которое следует отнести к сборнику в целом. Сегодня очевидно, что советские стереотипы церковно-государственных и приходских отношений не разрушились в 1988 г. Поэтому любая программа церковной жизни должна предусматривать пути преодоления советского наследия во всех смыслах, начиная от политики государства в отношении церкви, влияния на эту политику церковного руководства и церковной общественности, и заканчивая избавлением от советских стереотипов в церковных отношениях на уровне епархий и приходов.

В этом плане понятно сопротивление клириков и мирян закрытию храмов во время пандемии — в первую очередь это сопротивление властям, оставляющим за собой право закрывать храмы. Не будь в церковном сознании памяти о советских преследованиях, не было бы столь острой реакции со стороны церковного народа. Но память об этом жива, и государство не может с этим не считаться. Закрытие храмов однозначно ассоциируется с гонениями, цена которых — миллионы жизней верующих. Если авторы декларируют уважение к истории, недопустимо пренебрегать такими важнейшими обстоятельствами.

Другая сторона проблемы — отсутствие представления у клириков и мирян об образе церковной жизни вне храмов. Здесь снова необходимо вспомнить опыт советского времени, когда живые связи между верующими — духовенством, монашествующими и мирянами — осуществлялись неформальным образом, вне приходских пределов. Этот опыт гонимой церкви еще не раз нам пригодится; он, кстати, позволяет лучше понять и реалии жизни древнехристианских общин.

Говоря о разных сторонах и свойствах современной церковной жизни, необходимо различать влияние на церковную жизнь как государственных структур, так и отдельных персон. Бесспорно, что церковный фундаментализм — одна из важнейших проблем сегодняшнего дня, и с характеристикой его как магического

типа духовности трудно не согласиться. Но явление это заслуживает более развернутого описания. В числе глубинных свойств фундаментализма можно выделить искаженное понимание сути христианской веры и истины. Фундаментализм воспринимает их как внешнюю силу, поэтому проявляет интерес к земной власти и материальному могуществу, при этом не обязательно к личному обогащению. Понятно поэтому, что сила фундаментализма в нашей церкви многократно умножена влиянием государства. Приведенные в сборнике примеры «магического фундаментализма» (с. 70) (проект «Русский мир», протесты против фильма «Матильда») прямо или косвенно вызваны государственной политикой и поддерживаются государственными органами.

Но авторы сборника, кажется, вообще не уделяют внимания влиянию государства на современную церковную жизнь, что ведет к ее искаженному видению. Также нельзя не отметить, что, хотя приходские и монашеские общины в сборнике упоминаются, предмет пристального анализа и критики оказывается в первую очередь структура церковного управления и ее политика. Видят ли авторы другие силы в церкви? Если нет, то планируемая программа церковного развития будет адресована лишь церковному руководству. Не хотят ли сами авторы стать своего рода сообществом, где будут формироваться идеи для политики высшей церковной власти?

Отдельно следует остановиться на статьях, посвященных литургической проблематике, так как именно в этой сфере вызовы пандемии прозвучали особенно остро. Литургическим проблемам посвящены статьи свящ. Августина Соколовски «Молитва Церкви в период пандемии: новое осмысление реальности» (с. 21–26), анонимная статья «Заккрытие храмов. Причины, значение, последствия» (с. 27–30), статья прот. Георгия Ашкова «Практики причащения: „богословие ложки“» (с. 31–36), анонимная статья «Интернет-трансляция меняет представление о литургии» (с. 37–42), анонимная публикация «„Евхаристия онлайн“: богословские аспекты» (с. 43–49), публикация Анатолия Парпары «Модернизация языка богослужения: возможны варианты» (с. 50–54) и, наконец, анонимная публикация «Понятное богослужение. Еще раз о русском языке» (с. 55–59). Обстоятельства пандемии, лишив многих членов церкви возможности посещать богослужения, вновь обнажили вопрос об ответственности христиан за свою церковную жизнь, которая призвана «жить» не только в храме, но и за пределами храма. Внимание

авторов свидетельствует о серьезной богословской проблеме: полнота церковной жизни христиан накрепко увязывается с храмовым богослужением и только. Отсутствие возможности составить собой церковное собрание зримым образом побуждает завершить тезис «вне церкви нет спасения» знаком вопроса: если у христиан нет возможности манифестировать свою церковность, собираясь у евхаристической чаши, то каким образом им актуализировать исполнение заповеди Христовой: «Делайте это в воспоминание обо Мне»^{*1}? Ведь исполнение этой заповеди относится не только к клирикам, но и к тем, кого не вполне точно принято называть «мирянами». Нельзя не приветствовать стремление воссоздать церковь «как молящуюся общину» (с. 26), однако с постмодернистским взглядом на нее как на «сообщество интерпретаторов» вряд ли можно согласиться. Наша церковная действительность побуждает к размышлению о внутренних связях между членами церкви — клириками, мирянами, — т. е. возрождению в ней уз любви, которые и делают ее со-обществом. Отец Августин Соколовски заключает свой материал следующим выводом:

^{*1} Лк 22:19

Мы привыкли думать, что Бог есть любовь и поэтому Он должен исцелить. Но привычка упраздняет веру. Бог же реально есть только потому, что Он никогда никому ничего не должен. На этой абсолютной любящей неподотчетности спонтанного божественного ответа на христианское молитвенное обращение о спасении и исцелении Мира во Христе должна будет строиться Вера Церкви после окончания пандемии. Ведь другая неписаная аксиома ранней Церкви говорит о том, что вне мира нет спасения (с. 26).

Бог и Его «любящая неподотчетность» как основа Его бытия, декларирование Его никому-ничего-не-долженствования, не предполагающего личных отношений с Ним, а тем более отношений Его с Церковью как с Невестой, составляют своего рода постмодернистское «переопределение» отношений с Богом. Это отношение игнорирует сердечную, «родную» жизнь общин и братств XX в., в которой общение со Христом было ежедневной реальностью личного и межличного общения. И «аксиома» о невозможности спасения вне мира тоже довольно спорна: что же делать с призывом св. ап. Петра: «спасайтесь от сего развращенного рода»^{*2}?

^{*2} Деян 2:40

Попытка поставить проблему, связанную с храмовым благочестием, пока удостоена лишь констатации анонимного автора:

Вся эта ситуация в целом, связанная с закрытием храмов и разделением единой общины на служащее священство и «недопущенных» мирян, повлекла за собой целый ряд последствий (с. 30).

К сожалению, авторы решили для себя оставаться в рамках констатаций. Тем не менее не только закрытием храмов маркируется богослужение в обстоятельствах пандемии, но и возможностями цифровой эпохи: верующие, не вчера объединившиеся в сообщества, сориентировались довольно быстро и продолжили совершать синаксарное богослужение мирянским чином сами, объединившись в группы в Zoom и Skype. Пандемия поставила проблему гораздо шире: насколько наполнено смыслом совершающееся не в свое время и без чтения так называемых тайных молитв синаксарное богослужение на приходах? Где сегодня искать традиционную молитву: в домашнем богослужении, совершающемся с чтением этих молитв (а что в них такого, что недоступно верному Христу мирянину?), или на приходе? Там утренняя совершается вечером, и церковное собрание отсутствует как единое целое: одни совершают молитву в алтаре, другие на клиросе, народ не может участвовать в молитве, поскольку не может уследить за словами, а тем более за их смыслом. Материал прот. Георгия Ашкова о «богословии ложки» лишь косвенно затрагивает проблему актуальности древних практик причащения (об этом замечательно высказалась известный литургист инокиня Васса (Ларина)), но хотя бы упоминает о древней практике иметь христианам запасные Дары дома. Как всегда, литургические вопросы укоренены в экклезиологической проблематике, и сегодня в России находятся смелые клирики, готовые передавать мирянам св. Дары для причащения в домашних условиях — при должном благоговейном обращении с ними. Полемика о том, живет ли вирус в св. Чаше, оказывается псевдобогословской проблемой, ответ на которую открывается не в тонкостях «православной вирусологии», а в доверии одних членов народа Божьего другим членам народа Божьего и готовности идти на сближение ради любви во Христе. Автор анонимной статьи «Интернет-трансляция меняет представление о литургии» не останавливается на том, как же это представление меняется: например, не ставит вопрос о том, становится ли оно более соборным (и что мешало это представление поддерживать до наступления пандемии), однако отмечает три важных тенденции: смещение акцента с хора, с песнопений на молитвы анафоры; «возвращение» проскомидии

в литургию — она стала видимой для мирян благодаря трансляции; более активное использование русского языка. С автором невозможно не согласиться, однако можно было бы выделить и ряд других важнейших акцентов: вопрос о целостности церковного собрания и границах Церкви, взаимодействие клириков и мирян во время и вне богослужения, участие мирян, в том числе детей, в общей молитве, когда она совершается в форме трансляции, и т. д. Время пандемии открыло простор для весьма рискованных инноваций вроде евхаристии онлайн, и в рамках представления этого проекта автор анонимного материала обозначает условия для совершения богослужения, оперируя католическими догматическими формулировками:

С догматической точки зрения для совершения Евхаристии требуется законный служитель таинства (епископ или священник), правильное вещество (материя) таинства (хлеб и виноградное вино, соединенное с водой) и правильные слова (форма) молитвы. Также необходимо, чтобы служитель таинства имел намерение (интенцию) именно совершить таинство, а не произносил слова молитвы с какой-то другой целью (например, цитируя их вслух) (с. 44), —

выводя тем самым рассматриваемый вопрос за пределы православного богословского дискурса. К сожалению, этот «ход» остается никак не отрефлексирован автором, а сам автор публикации оказывается, таким образом, равноудален как от православной литургической практики в истории, так и от размышлений богословов XX в. Кроме того, вопрос об участии в богослужении народа был поставлен ведущими мировыми литургистами как феномен, требующий литургического исследования, поэтому попытка рассматривать богослужение только из «одной точки» выглядит весьма анахроничной, несвоевременной.

Феномену богослужебного языка и богослужебным переводам в период пандемии посвящены две публикации: «Модернизация языка богослужения: возможны варианты» Анатолия Парпары и анонимный материал «Понятное богослужение. Еще раз о русском языке».

Вызывает удивление, что, отмечая проблему восприятия богослужебного языка современными верующими, А. Парпара перебирает давно известные варианты решения этой проблемы. Очевидно, что ситуация не меняется вовсе не потому, что трудно выбрать какой-то из предложенных вариантов. В итоге автор

снова рассматривает решение проблемы преимущественно в административном ключе (как иначе возможно «разработать политику, поощряющую издательства выпускать книги на церковнославянском с параллельным переводом, а церковные лавки — распространять их... Обеспечить храмы нужным количеством экземпляров последования литургий и всенощного бдения с параллельным переводом и кратким толкованием для раздачи прихожанам во время богослужения» (с. 54)), что фактически означает отказ от ее решения. При этом стоит отметить, что желаемое автором «мобильное приложение, позволяющее получать последование полного богослужебного круга текущего дня», уже существует с весны 2020 г.³

Автор анонимной статьи ставит вопросы, которые невозможно оставить среди риторических: «что именно в богослужении должно подчеркивать святость таинства и как?» (с. 59) и «что есть продолжение традиции, а что потеряло прямое значение?» (с. 59). Оставаясь в параметрах той же оптики, на эти вопросы ответить затруднительно. Один из вызовов пандемии состоит в том, насколько мы готовы искать ответы в церковной традиции и практике, уже открытой нам, в частности, в литургическом предании XX в. — времени гонений и жизни «потаенной» церкви, и нашей готовности смотреть вперед. Церковный поиск предполагает такой ответ, который не может стать лишь удобным решением в меняющихся обстоятельствах, но должен соответствовать тому, что мы называем Преданием. Вопрос ответственного участия мирян в молитве и совершение ими отдельных богослужений, полнота приобщения ко Христу в условиях невозможности собираться в храмах, язык молитвы и другие вопросы ждут сегодня не просто ситуативных решений, но исполнения воли Божьей о Церкви и потому определяют ее бытование в нашем ближайшем будущем.

В анонимной статье верно указывается, что «в настоящий момент оценка качества переводов — это столкновение вкусов и предпочтений разных людей» (с. 56), но, к сожалению, дальше констатации дело не идет, хотя наблюдающим за ходом дискуссии в течение почти 25 лет такое положение дел представляется очевидным. Учитывая наличие разнообразных богослужебных переводов и немалый опыт переводческой деятельности в этой

3. См.: <https://psmb.ru/a/liturgiia-kotoraia-vsegda-s-toboi.html>.

области, накопившийся к сегодняшнему дню, стоило бы сделать следующий шаг и начать на эту тему компетентную и содержательную дискуссию.

Завершая анализ сборника «Системные проблемы православия», зададимся вопросом: какой взгляд представляется приоритетным в настоящее время — критический, высматривающий ошибки и нестроения, или иной, собирающий все доброе и способствующий узнаванию церковью себя в своих лучших проявлениях. Очевидно, необходимо и одно, и другое. Но следует подчеркнуть, что именно в наше время не хватает положительного взгляда на церковь — прежде всего, изнутри нее самой. Остро ощущается сегодня нехватка живого вдохновенного свидетельства о Церкви. Не только о православии, но о Православии как Откровении Нового Завета, новой жизни во Свете.

Пожалуй, главным недостатком сборника можно назвать отсутствие видения Тела Церкви, собранного вместе народа. С невоцерковленным и непросвещенным народом никакой положительной программы церковной жизни не осуществить. Авторы не видят по-прежнему актуальной задачи миссии и просвещения, научения людей основам Христовой веры и жизни, и, к сожалению, с легкостью и с пренебрежением относятся к тем, кто в течение многих лет совершает этот труд.

Выразим надежду, что желание участников семинара стать открытой, диалогичной, уважительной площадкой для всех, кто радеет о возрождении жизни православной церкви в России, будет реализовано и в последующих семинарах, и в последующих сборниках.